

тив [5]. Экономические силы в формировании мополингвальных предпочтений вступают, таким образом, в очевидное противоречие с культурными предпочтениями. Наглядной иллюстрацией этому может служить распространение английского языка не только в европейских странах, но и в мировом масштабе, *de facto* становящегося *lingua franca* для населения ряда стран, особенно в институциональной и экономической сферах.

1. Lysandrou Ph., Lysandrou Y. Global English and proregrression: understanding English language spread in the contemporary era. // Economy and Society. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 207.

2. Conrad A. & Rubal-Lopez A. (Eds) Post-Imperial English. Berlin & N. Y.: De Greuter, 1996. 668 P.

3. Fishman J. A., et al., P. 640.

4. Annamalai E. Language Policy for Multilingualism // Working Papers of World Congress on Language Practices. Barcelona, 16-20 April 2002. <http://www.linguaeapax.org/congress/plenaries/annamalai.html>. P. 1.

5. Annamalai E., op. cit. P. 6.

И. В. Цветкова
Тольятти

ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ В ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В русской философии на рубеже XIX и XX веков усиливаются духовные искания, которые приводят к критике рационалистической философии. В рамках этой традиции свобода — это установление ограничений при обосновании их разумности, необходимости. Реализация данной модели свободы имеет большое значение в индивидуальной и социальной практике, поскольку она освобождает людей от мучительного страха перед неопределенностью, неизвестностью. Рациональная свобода призвана давать гарантии и уверенность в завтрашнем дне. Она позволяет сохранить чувство собственного достоинства, не ущемляя права других людей, не оскорбляя их чувства.

В религиозных концепциях экзистенциализма, персонализма, анализируются конфликты и противоречия, которые возникают в связи с игнорированием внутренней свободы. Философы видят основное препятствие в ее реализации в том, что она основывается на знании, поэтому подвергают сомнению значение разума, рациональности и противопоставляют им религиозную веру. Таким образом, данные концепции, борясь за внутреннее освобождение

человека, идут по пути игнорирования внешних условий, определяющих ее возможности. Внутренняя свобода находит проявление в виде индивидуального бунта против социальных форм, порабащающих личность.

Сущность проблемы свободы не сводится только к проблеме выбора модели поведения человека в обществе, писал Н. А. Бердяев. Свобода, согласно Бердяеву, это независимость личности от внешнего влияния, свобода — это творческая сила. Проблема свободы не сводится к выбору из предлагаемых альтернатив поведения, а, прежде всего, включает созидание личностью добра и зла. Самое состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и человек приступил к творчеству, поскольку свобода несет с собой новизну.

Н. А. Бердяев пренебрежительно относится к рассмотрению проблемы выбора при анализе внутренней свободы и называет этот аспект «школьным», вероятно, имея в виду, то, что он не требует специального философского анализа. Между тем, проблема выбора не сводится только к альтернативе добра и зла, когда они явно противопоставляются друг другу и выступают в качестве метафизических категорий. Внутренняя свобода человека связана с осознанием множественности альтернатив, с представлением о том, что реализация каждой предполагает необратимые изменения в жизненном пути личности. Поэтому основанием внутренней свободы является ответственность, выступающая главным принципом поведения личности. Ответственность включает как внутреннее регулирование поведения человека на основе нравственных норм (совесть), так и признание прав других людей на удовлетворение их потребностей, достижение ими счастья. Соотношение свободы и ответственности анализируется Бердяевым в контексте соборности. Религиозный долг — участвовать во всеобщем спасении мира и всего живущего, а не во всеобщей гибели. (См.: 1. С. 249-250). Таким образом, данная концепция игнорирует рассмотрение социальных связей индивида, видя в них препятствие для духовного освобождения. Отношение личности и общества строятся на основе конфликта, инициатором которого является личность. Духовная свобода выступает следствием бунта индивида против общества. Любые формы общественной жизни, которым индивид подчиняется, рассматриваются как силы порабления.

С позиций персонализма внешняя свобода вторична по отношению к внутренней. Идеальным вариантом, согласно И. А. Ильи-

ну, является процесс, в котором каждое новое поколение получает в детстве воспитательный заряд внутренней свободы, а потом, к зрелому возрасту, — все увеличивающуюся от поколения к поколению долю внешней свободы. Цель обретения внешней свободы, постижение религиозного смысла всех правовых установлений и государственных законов. Помочь человеку в его внутреннем освобождении и в установлении его духовной самостоятельности может, прежде всего, духовное общение с другими людьми.

В учениях русских религиозных философов большое значение в понимании духовных основ внутренней свободы имело представление о свободной церковной жизни, воспринятой мистически. Однако достижение этого идеала предполагает коренное переустройство социальных условий на принципах рационализма, поскольку оно предполагает изменение законодательства, системы воспитания и образования с учетом уважения прав и свобод личности.

Таким образом, отвечая на вопрос о возможности создания иррациональных концепций внутренней свободы, на основе анализа произведений русских религиозных философов, следует ответить отрицательно. Эти размышления о свободе выстраиваются на основе догматического противопоставления категорий, которые не допускают переходных форм, взаимного дополнения противоположностей. Свобода противопоставляется рабству и рассматривается с позиций автономного индивида, который игнорирует значение социальных связей. Любые формы общественной жизни выступают силой порабощения индивида, поэтому протест против общества рассматривается как единственный способ достижения свободы. Однако подобное понимание внутренней свободы не отрицает значение рациональных принципов. Они выступают гарантиями самого существования личности, в социальном и духовном аспектах. Наилучшим регулятором свободы, несомненно, является совесть, нравственные, религиозные чувства. Однако это не исключает значения рационального отношения к праву и другим социальным нормам. Если они не эффективны, то это приводит к обострению чувства несправедливости, нигилизму в отношении к общественным нормам, разгулу насилия и произвола. Тогда внутренняя свобода превращается в источник разрушения личности и общества.

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2004.

2. Ильин И. А. Обоснование свободы // Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993.

3. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 9-10. М., 1989.